

Холодное сердце

Аскар Ямалетдинов

Аскар Ямалетдинов

Холодное сердце

<https://litres.ru/74070234>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она — певица, внутри которой уже четыре года только пустота. Бархатный гроб, тишина, ни одного звука чувств.

Он — убийца в светящейся маске. Танцует с ножом, не говорит вслух, но его жесты пронзают больше любого удара.

Они встретились в переулке у стадиона. Он мог её убить. Вместо этого он помахал рукой.

Теперь Кира забыла сон. Она учит язык глухих, чтобы понять его. Она идёт по следу убийств, которые ведут в её собственное прошлое. Потому что Тень знает о ней всё. А она не помнит даже его лица.

Психологический триллер об одержимости, памяти и танцах на грани смерти.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Аскар Ямалетдинов

Холодное сердце

Глава

Глава первая.

Та, которая не плачет

Сцена дышит.

Не в переносном смысле — она буквально пульсирует. Пол под ногами Кире вибрирует от басов, которые ушли в глубину арены и теперь возвращаются обратно, ударяя в кости из-под бетона. Запах озона, разогретых ламп и чужого пота — десятки тысяч тел, сжатых в амфитеатре, выделяют тепло как один огромный зверь. Кира стоит на возвышении посреди этого зверя, и зверь её любит. Он кричит её имя, он плачет, он тянет руки сквозь охрану. Она должна чувствовать благодарность. Или эйфорию. Или хотя бы усталость — ту здоровую, приятную усталость после работы, которая сделана хорошо. Но внутри неё — бархатная пустота. Чёрный гроб, обитый изнутри самой дорогой тканью. Тихо. Темно. Ни одного звука чувств.

Концерт закончился три минуты назад. Последняя нота «Стеклянной девочки» умерла где-то под куполом, и теперь

только аплодисменты. Кира улыбается — привычно, автоматически, как дышит или моргает. Уголки губ поднимаются на нужную высоту, глаза сощуриваются до нужной степени, голова слегка наклоняется вправо, потому что так её лицо выглядит мягче. Она тренировала эту улыбку три года. Сначала перед зеркалом, потом перед камерой телефона, потом уже на живых людях. Никто не отличит. Даже близкие друзья — а их, честно говоря, нет — не сказали бы, что за этой улыбкой ничего нет. Абсолютно ничего. Не холод. Не злость. Не усталость. Именно пустота. Как если бы кто-то взял и вырезал из её грудной клетки все органы, которые умеют чувствовать, а взамен положил туда вату. Толпа беснуется. Девушка в первом ряду, лет семнадцати, с розовыми волосами и мокрыми от слёз щеками, кричит так, что лопаются капилляры на шее. У неё табличка: «ТЫ НЕ ЗНАЕШЬ, КАК ТЫ МНЕ ПОМОГЛА». Кира видит табличку и кивает девушке. Девушка падает на руки соседки — от счастья. Кира отводит взгляд. Ей не жалко девушку. Не приятно. Не неловко. Просто — факт: кто-то плачет, ей адресовано, она отреагировала. Всё. Краем глаза она замечает техника за правой колонкой. Парень в чёрной футболке, лысый, с клипсой в ухе. Он тычет пальцем в наручные часы и показывает ладонь — пять пальцев. Пять минут до того, как нужно уйти. Потом ещё десять минут оваций стоя, потом чёрный микроавтобус, потом гостиница, потом сон. И завтра — новый город. Та же сцена. Та же пустота. Кира уже не помнит, сколько это длит-

ся. Четыре года? Пять? Она перестала считать где-то после второго альбома. И тут — удар.

Не физический. Внутренний. Как будто кто-то с размаху ударил кувалдой по внутренней стороне грудной клетки. Кира вздрагивает — всем телом, так, что микрофон чуть не выскальзывает из пальцев. Потому что в голове — картинка. Яркая. Детализированная. Та самая, которую она похоронила четыре года назад под слоем диссоциации и работы над голосом. Маленькая комната. Она помнит каждый сантиметр: обои в цветочек, которые начали отслаиваться у батареи, серый ковролин с въевшимся пятном от красного вина — она тогда разбила бокал и долго терла, но пятно осталось, настольная лампа с зелёным абажуром, часы на стене — круглые, белые, с чёрными цифрами, показывают 11:47. И запах — скипидар и старый табак, смешанные с чем-то сладким, что она так и не смогла идентифицировать, но этот запах въелся в волосы, в кожу, в память навсегда. И руки. Чьи-то тяжёлые влажные руки на её плечах. Она маленькая. Ей... сколько? Она забыла возраст. Забыла намеренно. Но помнит, как эти руки сжимаются, как пальцы впиваются в ключицы, как рот открывается, чтобы закричать, но не может — потому что вторая рука зажимает его, придавливая к нёбу так сильно, что трещит нёбная кость. Сердце. Её сердце, которое спало четыре года. Которое билось сорок ударов в минуту — как у спортсмена, как у глубоководной рыбы, как у человека, чья душа уже покинула тело. Оно просыпается.

Бум. Первый удар такой силы, что у Киры темнеет в глазах. Софиты расплываются в оранжевые кляксы, толпа превращается в шумящую массу без лиц.

Бум. Второй удар подбрасывает её на месте. Кира чувствует, как кровь толчком входит в сонные артерии, как пульсируют виски, как сердце, это проклятое сердце, которое она считала мёртвым, колотится сейчас как бешеное — тук-тук-тук-тук — и каждый удар отдаётся в позвоночнике. Она не дышит. Всё происходит внутри одной секунды, растянутой в бесконечность. Сцена, люди, свет — всё это ещё здесь, но одновременно где-то далеко, за толщей воды, а она на дне, и вода давит на грудь, и сердце бьётся сквозь эту воду, и Кира не понимает: это ужас? Это радость? Это вообще возможно — чувствовать после четырёх лет абсолютного нуля? Тошнота подкатывает к горлу. Горький, кислотный ком, который она не может проглотить. Микрофон выскользывает из ослабевших пальцев и падает на сцену. Удар микрофона об пол рождает низкий, раскатистый гул — динамики ловят его и превращают в чудовищную обратную связь, которая режет уши всем десяти тысячам человек в зале. Толпа ахает. Кто-то думает, что это эффект. Кто-то — что певице плохо. Девушка с розовыми волосами кричит:

— Кира! Кира, ты в порядке? — Кира не отвечает. Она поворачивается и идёт. Не бежит — это было бы слишком заметно. Но её ноги двигаются быстрее, чем она хочет. Каблуки — высокие, с острыми носками — стучат по сцене как

копыта животного, которое спасается от хищника. Внутри всё ещё пусто, но это пустота другого рода. Раньше она была тёплой, как одеяло. Сейчас она холодная, как сквозняк из открытого окна. За кулисы. Через тёмный коридор, где пахнет краской и пылью. Мимо удивлённого охранника — здорового парня в чёрной форме, который делает шаг ей навстречу:

— Кира Сергеевна, что случилось? Вам плохо? Вызвать врача? — Она не отвечает. Даже не смотрит в его сторону. Её лицо — маска вежливости, которую она не в силах сейчас удерживать. Охранник остаётся позади, и Кира слышит, как он кому-то звонит и взволнованно говорит в трубку. Гримёрка. Святая святых — восемь метров отделанного деревом пространства. Мягкий диван цвета слоновой кости, кожаный пуф у зеркала, огромное зеркало в лампочках — как в старых голливудских фильмах. Букет из ста белых роз на столике — от спонсора, который надеется на личную встречу. Фужер с недопитым шампанским. Запах её духов — терпкий, древесный, с ноткой апельсиновой цедры — смешивается с запахом увядающих цветов. Кира захлопывает дверь, прижимается спиной к дереву. Глаза закрыты. В темноте под веками — те же обои в цветочек. Те же часы 11:47. Те же руки на её плечах. Сердце колотится так, что грудь ходит ходуном. «Это пройдёт, — шепчет она. — Это просто паника. У нормальных людей бывает». Но она не нормальная. Она никогда не была нормальной после того вечера — того самого, который она никогда не называет по имени. И сейчас,

когда стена внутри неё трещит по швам, Кира вдруг понимает одну страшную вещь. Она не боится воспоминаний. Она боится того, что будет, если стена рухнет окончательно. Что тогда из неё ползет? Какая боль? Какой ужас? Какая тьма, которую она заперла внутри себя четыре года назад, откроет глаза и скажет: «Здравствуй, я всё это время была здесь»? Она открывает дверь и вылетает в коридор. Не туда, где сцена. Не туда, где охрана. Туда, где пожарный выход — чёрная металлическая дверь в конце длинного, плохо освещённого коридора. Каблуки стучат по линолеуму. Где-то за спиной кричат:

— Кира Сергеевна, подождите! Вам нельзя одной! — Она бежит. Дверь. Тяжёлая, со стальной ручкой, холодной до липкости. Кира наваливается плечом, и та поддаётся — со скрежетом, с облачком ржавчины, с запахом сырого бетона и ночи. Пожарная лестница. Металлические ступени с дырочками — сквозь них видно далеко вниз, на асфальт. Кира вылетает на площадку третьего этажа и хватается за перила. Холод ноября бьёт в лицо — резкий, влажный, пахнущий бензином и прелыми листьями. Она делает глубокий вдох. Потом ещё один. Холод помогает. Сердце постепенно успокаивается — с бешеного галопа переходит на быстрый бег, потом на ускоренную ходьбу. Ещё минута — и всё вернётся в норму. Сорок ударов. Рыбий пульс. Безопасный, проверенный, мёртвый. Она смотрит вниз. Переулок между стадионом и старой пятиэтажкой. Грязный асфальт в трещинах, два

мусорных контейнера — зелёные, переполненные, с вываливающимися пакетами. Один фонарь — жёлтый, тусклый, маслянистый свет дрожит в лужах. Ржавая реклама «Семечки от дяди Вани» на стене пятиэтажки. И тишина. Почти полная — только далёкий гул проспекта где-то за домами. Кира дышит. Вдох. Выдох. Вдох. Спокойно. И тут она видит фигуры.

Двое. Один — высокий. Очень высокий, под два метра, с широкими плечами, которые вырисовываются даже под мешковатым худи. Он стоит спиной к Кире, и Кира видит только его силуэт — чёрный, монолитный, почти нереальный в этом жёлтом дрожащем свете. Второй — ниже, плотный, в дорогом сером пальто, светлых брюках и ботинках из чёрной кожи. Он пятится к стене. Руки подняты ладонями вперёд — жест защиты, жест мольбы. Кира застывает. Мысль — холодная, острая — пронзает сознание: «Это не моё дело». Вторая мысль: «Надо вызвать полицию». Третья: «Я ничего не вижу, я просто дышу воздухом, меня здесь нет». Но тело не слушается. Потому что высокий делает шаг вперёд. Плавно. Танцующе. Есть в его движениях что-то от кошки — текучей, расслабленной, абсолютно уверенной в своей силе. Нож в правой руке — длинное узкое лезвие, которое ловит свет фонаря и бросает его на стену белым бликом. Человек в пальто что-то кричит. Кира не слышит слов — только сдавленный, перекошенный ужасом звук, похожий на «не надо» или «пожалуйста». Голос ломается, переходит в визг

— неприятный, тонкий, как писк испуганного грызуна. Высокий не слушает.

Удар. Короткий. Экономный. Почти изящный — как взмах кисти дирижёра, заканчивающего симфонию. Нож входит в шею человека в пальто — с правой стороны, чуть ниже уха, туда, где бьётся сонная артерия. Кровь. Не сразу. Сначала человек в пальто замирает — с открытым ртом, с выпученными глазами, с руками, которые всё ещё висят в воздухе. А потом — фонтан. Тёмная, почти чёрная в этом свете, густая, как патока, кровь бьёт из раны и заливает воротник пальто, щёку, плечо. Человек падает. Не эффектно — как-то буднично, тяжело: сначала подгибаются колени, потом корпус заваливается вперёд, потом он просто лежит лицом в луже, и лужа становится красной. Кира не кричит. Смотрит. Внутри неё — всё та же бархатная пустота. Но есть кое-что ещё. Тонкое, почти незаметное, как запах, который ты уловил краем ноздри, но не можешь понять — показалось или нет. Это — азарт. Ей стыдно. Но она не умеет стыдиться. Она вообще не умеет ничего — только наблюдать. Высокий выпрямляется. Нож он вытирает о пальто убитого — медленно, тщательно, сначала одну сторону лезвия, потом другую. Потом убирает его в карман худи.

И тут Кира видит детали. Штаны. Красные. Не просто красные — пропитанные. Ткань потемнела от влаги, пятна расплзлись от пояса до колен, и в некоторых местах она даже блестит, как если бы кровь была свежей и ещё не впитана.

лась. Худи. Чёрное, свободное, с большим капюшоном, который сейчас откинут назад. На груди и рукавах — мелкие капли, брызги, как рисунок. И маска. Электронная. Кира знает такие. Видела на концертах в Европе — их носят диджеи, косплееры, киберпанк-тусовка. Светодиодная матрица, которая закрывает всё лицо — от линии роста волос до подбородка. Экран, на котором анимируется изображение. Но то, что она видит сейчас, не похоже на концертный реквизит. Маска показывает звук.

Синие и фиолетовые волны бегут от губ вверх, к вискам, пульсируют, сжимаются и расширяются в такт дыханию убийцы. Они не случайны — Кира, которая провела тысячи часов в студиях звукозаписи, видит: это эквалайзер. Частотный спектр. Маска визуализирует его голос. Или его дыхание. Или его мысли, превращённые в звук, который никто не слышит.

Высокий поворачивается. Волны замирают на секунду — ровная линия, без пульсации. А потом складываются в дугу. Улыбка. Широкая, до ушей. Синие диоды выстраиваются в идеальную кривую, концы загибаются вверх так сильно, что почти касаются глаз. Маска улыбается. Не лицо — маска. Но Кира знает: за маской есть лицо. И это лицо сейчас улыбается тоже. Она чувствует это — кожей, затылком, тем местом между лопаток, которое чешется перед опасностью. Маска наклоняется. Слегка — как будто он хочет рассмотреть её получше. И машет. Просто — поднимает руку

и шевелит пальцами. «Привет». «Пока». «Ты меня не видел». «Но я тебя видел». Кира не двигается. Сердце — снова. Тук-тук-тук-тук. Часто. Громко. Так, что Кира слышит этот стук в ушах, смешанный с ветром и далёким шумом города. Высокий поворачивается и уходит. Шаг. Второй. Его фигура становится меньше, но не потому, что он удаляется — потому что тьма пьёт его. Сначала исчезают ноги в красных штанах, потом туловище, потом маска с её сияющей улыбкой. Последнее, что видит Кира — диоды, которые перестраиваются в новую анимацию. Волны сжимаются в точку. Точка гаснет. Тьма.

Переулок пуст. Только тело. Только лужа, которая становится всё больше. Только мусорные контейнеры и фонарь, который продолжает гореть, будто ничего не случилось. Кира стоит на лестнице неизвестно сколько. Секунду? Минуту? Час? Время потеряло смысл. Она смотрит на труп человека, которого не знала, и внутри неё — ничего. Нет ужаса. Нет сочувствия. Нет жалости. Только одно чувство, чужеродное, неправильное, тёмное. Любопытство? Нет. Не так. Влечение? Нет. Ещё не то. Одержимость? Она не знает этого слова ещё. Но оно уже пустило корни.

Кира достаёт телефон. Пальцы не дрожат — вообще. Рука твёрдая, как у хирурга. Она набирает 112.

— Алло, — говорит она. Голос ровный, спокойный, как будто она заказывает пиццу. — Я стала свидетелем убийства. — Пауза. Оператор что-то спрашивает.

— Перекрёсток улиц Руставели и Шереметьевская. За стадионом, в переулке. Труп. Мужчина. Сорок лет на вид. Ножевое ранение в шею. — Пауза.

— Нет, я не пострадала. Нет, я не хочу называть имя. Приезжайте. — Она вешает трубку. Смотрит на тело ещё несколько секунд. Ветер доносит запах крови — сладковатый, металлический, с чем-то ещё, похожим на сырую печень. Кира вдыхает этот запах и закрывает глаза. И видит не тело. Видит маску. Синие волны. Улыбку, которая шире, чем у любого человека, которого она встречала. «Кто ты?» — шепчет она. Ветер уносит вопрос.

Полицейские сирены начинают выть где-то через пять минут. Кира спускается по лестнице во двор, проходит через арку, выходит на освещённую улицу. Садится в чёрный микроавтобус, который стоит у тротуара с работающим двигателем. Водитель, пожилой мужчина с усталыми глазами, оборачивается:

— Кира Сергеевна, всё нормально? Вас долго не было.

— Всё нормально. Поехали.

— А концерт? Ещё же должны были...

— Поехали. — Он пожимает плечами и выруливает на проспект. Кира откидывается на сиденье. Смотрит в окно. Огни города плывут мимо — жёлтые, белые, красные. Люди спешат по тротуарам, ничего не подозревая. Мир продолжает вращаться, как будто только что не было убийства. Как будто только что какой-то человек в красных штанах и чёр-

ном худи не зарезал другого человека под её окнами. Но Кира знает. И это знание — первое, что она почувствовала по-настоящему за четыре года. Не пустоту. А присутствие. Тёмное, липкое, сладкое, как самый дорогой сироп. Она закрывает глаза. Маска улыбается снова. Волны танцуют. «Ты — Тень», — придумывает она имя, не зная ещё, что это имя станет легендой. — «Ты видел меня. Я видела тебя. Ты не убил меня — хотя мог. Почему?» Вопрос врезается в её сердце, которое снова забилося ровно — сорок ударов, рыбий пульс — но Кира знает: оно проснулось. Оно снова умеет биться. Оно снова умеет хотеть. Она хочет найти его. Это безумие. Она знает. Её должны трясти от страха. Она должна бежать в полицию и рассказывать всё. Она должна плакать и просить защиту. Но Кира не умеет плакать уже четыре года. Зато она умеет искать. В отеле — люкс на двенадцатом этаже с видом на ночной город — она не ложится спать. Садится за ноутбук, открывает браузер.

Вбивает в поиск: «Убийство Руставели Шереметьевская». Ничего. Ещё слишком рано. Полиция не опубликовала информацию.

Вбивает: «Маньяк маска киберпанк Москва». Тысячи ссылок на косплей-фестивали. Ничего полезного.

Вбивает: «Электронная маска с эквалайзером купить». Интернет-магазины. От трёх тысяч до пятнадцати тысяч рублей. Модели: «CyberFace V2», «LED Mask Pro», «SoundWave Mask». Кира открывает каждый сайт, смотрит

каждую картинку. Все маски на фото выглядят пластиковыми, дешёвыми, игрушечными. Не такими. Та маска — другая. У неё был свет особого оттенка — глубокий синий, почти ультрамарин. Диоды были встроены не поверх, а внутрь пластика — как если бы лицо светилось изнутри. И анимация — плавная, органик, живая. Кира закрывает ноутбук в три часа ночи. Ложится на кровать. Смотрит в потолок. Маска улыбается ей оттуда.

«Кто ты? — думает она снова. — Почему ты помахал? Почему не убил?» И вдруг — холодная мысль, от которой волосы на руках встают дыбом:

«А что, если ты меня узнал?» Кира садится на кровати. Четыре года назад. Та комната. Те руки. Тот запах скипидара и старого табака. Она не помнит лица — диссоциативная амнезия стёрла его, оставив только ощущение. Но что, если?.. Что, если Тень — это он? Что, если человек, который убил сегодня в переулке — тот же самый, кто зажимал ей рот четыре года назад? Кира встаёт. Подходит к окну. Город внизу мерцает тысячами огней. Где-то там, среди этих огней, ходит человек в красных штанах и чёрном худи. Или уже переделся. Или уже затерялся в толпе. Она не знает. Но она знает одно: она должна его найти. Не чтобы сдать полиции. Не чтобы спасти других. А чтобы спросить:

— Ты помнишь меня? — Она не спит всю ночь. Сидит у окна, смотрит на город, пьёт остывший чай и прокручивает в голове детали — каждую секунду того, что видела на лест-

нице. Движение ножа. Блеск лезвия. Кровь, фонтанирующая из шеи. И улыбка. Электронная улыбка, которая сказала ей больше, чем любые слова. В пять утра приходит смс от неизвестного номера:

«Ты красиво поёшь. Не ври полиции. Я всё знаю о тебе». Кира читает смс три раза. Потом перечитывает ещё раз. Её сердце — сорок ударов в минуту, рыбий пульс, мёртвый пульс — не ускоряется. Не бьётся. Оно просто замирает. Она не отвечает. Сохраняет номер.

Пишет в заметках телефона: «Тень. Красные штаны. Чёрное худи. Маска с эквалайзером. Убийство 15 ноября. Перелом у стадиона. Знает меня. Знает, где я живу. Угрожает? Или предупреждает?» Кира ложится в шесть утра. Засыпает — и видит сон.

В этом сне она стоит на сцене. Пустой зал — ни одного человека. Только софиты, которые светят в пустоту. И из темноты выходит он. Без маски. Но лица не разглядеть — оно размыто, как на старой фотографии, сделанной дрожащей рукой. Он подходит близко — так близко, что Кира чувствует запах. Скипидар и старый табак.

Он протягивает руку и касается её щеки. Пальцы холодные — как у мертвеца.

— Не ищи меня, — говорит он. Голос низкий, хриплый, с металлическим оттенком — как если бы он говорил через динамик. — Я сам тебя найду. — Кира просыпается в холодном поту. Сердце колотится — тук-тук-тук. Впервые за всю

ночь. Она садится на кровати. Смотрит на телефон. Смс от неизвестного номера всё ещё там.

«Я всё знаю о тебе». Кира улыбается. Не тренированной улыбкой. Не сценической. А настоящей — кривой, неровной, с каким-то даже вызовом.

— Ищи, — шепчет она в пустоту номера. — Я не боюсь. — Но это неправда. Она боится. Впервые за четыре года она боится по-настоящему — тем, животным, первобытным страхом, который заставляет сердце биться быстрее, а лёгкие — хватать воздух, как рыба, выброшенная на берег. Но страх — это тоже чувство. А чувства — это то, ради чего она готова умереть.

Глава вторая.

Вдова следователя

Утро не наступает — оно вползает в номер как вор. Сначала серый свет за шторами, потом запах кофе из коридора — кто-то из соседей заказал завтрак, потом звук шагов за стеной, тяжёлых, мужских, каблуки по паркету. Кира не спала уже вторые сутки, но выглядит так, будто только что вышла из спа-салона — бледная кожа без единой морщины, глаза ясные, ни тени усталости под ними. Четыре года тренировки пустоты дали не только эмоциональную анестезию, но и странную власть над телом. Она не ест — не хочется. Не пьёт — не нужно. Способность хотеть вообще что-

либо атрофировалась вместе со способностью чувствовать. Но сегодня что-то изменилось. Она хочет кофе. Не потому, что нужно взбодриться. А потому, что вкус — это ощущение. А ощущения — это дверь к тому, что она заблокировала внутри. Кира подходит к кофемашине в номере — маленькой серебристой штуке, которая стоит на мини-баре. Нажимает кнопку. Машина шипит, плюётся паром, выплёскивает чёрную жижу в белую чашку. Кира подносит чашку к лицу, вдыхает. Горький, терпкий, почти смоляной запах. Она делает глоток.

Ничего. Вкус есть — она знает, что это кофе. Но удовольствия нет. Нет того внутреннего «mmm», которое описывают люди. Просто жидкость. Тёплая. Чёрная. Глотается. Кира ставит чашку на столик и смотрит на телефон. То смс — «Я всё знаю о тебе» — всё ещё там. Она перечитала его раз двадцать за ночь. Не ответила. Но сохранила номер. В заметках написала: «Попробовать пробить через знакомых». У неё есть знакомые. Не друзья — у Киры нет друзей, потому что дружба требует эмоций, а эмоций нет. Но есть люди, которые что-то должны. Продюсеры. Директора. Один бывший, который работает в IT-безопасности. Один адвокат, который специализируется на чёрном пиаре. Армия, которую ты собираешь не любовью, а деньгами и страхом. Звонит телефон. На экране — «Алексей Сергеевич, полиция». Кира вчера, после того как вызвала 112, оставила свои контакты. Оператор сказала, что с ней свяжутся. Вот и связались. Она

берёт трубку. Голос спокойный, почти сонный:

— Слушаю.

— Кира Сергеевна Ветрова? — мужской голос, низкий, с хрипотцой, как у человека, который выкуривает пачку в день и спит по четыре часа. — Меня зовут полковник Горелов, Андрей Николаевич. Я веду дело об убийстве в переулке на Руставели. Вы вчера стали свидетелем. Не вопрос. Утверждение. Она уже дала показания оператору — назвала место, время, факт убийства. Имя не назвала. Но её засветили камеры — она знала, что это случится. Гримёрка, коридор, пожарная лестница — наверняка всё записано. Её лицо есть в базах. Оператор просто пробила номер и узнала, кому он принадлежит.

— Да, — говорит Кира. — Я видела.

— Мне нужно, чтобы вы приехали в управление. Сегодня. Чем раньше, тем лучше.

— Зачем? Я всё рассказала по телефону. — Пауза. Горелов вздыхает — так вздыхают терпеливые люди, которым уже тысячу раз приходилось объяснять одно и то же.

— Кира Сергеевна, по телефону вы сообщили факт. Но мне нужны детали. Как выглядел нападавший. Как двигался. Что делал. Это называется опознание. Без вас мы не продвинемся. Она молчит. Пальцы гладят край чашки с остывшим кофе.

— Хорошо. Когда?

— Через два часа. Я пришлю машину.

— Не надо. Я сама. — Она кладёт трубку. Встаёт у окна. Москва внизу серая, мокрая, ноябрьская — липкий снег на ветках, лужи с радужными пятнами бензина, люди в чёрных пуховиках перебегают дорогу. Где-то там, в этой серости, ходит он. Тень. Может быть, смотрит сейчас на этот же отель. Может быть, стоит под козырьком соседнего дома и пьёт кофе из пластикового стаканчика. Может быть, улыбается под маской. Кира надевает чёрное пальто — длинное, до пят, строгое, как у вдовы. Волосы собирает в низкий пучок. Никакого макияжа — только блеск для губ, бесцветный, увлажняющий. Она знает, как выглядит: бледная, худая, с глазами, которые смотрят сквозь тебя. Люди боятся таких женщин. Следователи — особенно. Выходит из номера. Лифт опускает её в лобби. Администратор — молодая девушка с идеальной укладкой — подбегает:

— Кира Сергеевна! Вас спрашивали. Мужчина. Сказал, что вы его ждёте. Не представился. Сказал передать... — Девушка мнётся. Кира смотрит на неё в упор — взгляд пустой, немигающий.

— Что передать?

— Сказал: «Скажи ей, что красный — её цвет».

Кира замирает. Красные штаны. Пропитанные кровью. Маньяк. Он знает, где она остановилась. Он приходил сюда. Может быть, стоял в этом же лобби час назад. Может быть, пил воду из этого же фонтанчика. Кира не знает, сколько времени прошло между его визитом и её выходом.

— Он что-нибудь ещё сказал?

— Нет. Просто... улыбнулся. Но у него была странная маска. Я подумала, может, фанат... — Кира перебивает:

— Когда это было?

— Часа полтора назад. — Она выдыхает. Носом. Медленно.

— Спасибо. — Выходит на улицу. Стоит на крыльце отеля, смотрит по сторонам. Люди идут мимо — кто с портфелями, кто с колясками, кто с собаками. Ни одного высокого мужчины в красных штанах и чёрном худи. Но он был здесь. Оставил след — сообщение через администратора. Играет с ней. Как кот с мышкой, которая ещё не знает, что она мышка. Кира садится в такси.

— В Петровку, 38, — говорит водителю. Водитель — молодой парень с татуировкой на шее — узнаёт её. Зеркало заднего вида ловит его взгляд — расширенные зрачки, приоткрытый рот.

— Вы... вы же Кира Ветрова? Та самая?

— Да. Езжай.

— Я ваш фанат! Моя девушка просто... она на всех концертах была! Вы её спасли, она после развода...

— Езжай, — повторяет Кира. Голос ровный, но в нём нет угрозы. Просто — конец разговора. Парень закрывает рот и жмёт на газ. Петровка, 38. Главное управление. Серое здание, тяжёлые двери, запах казёнщины и хлорки. Кира проходит через турникет — её встречает молодой лейтенант с пры-

щавым лицом и провожает на третий этаж, в кабинет с табличкой «Отдел по особо важным делам». Полковник Горелов оказывается не таким, как она представляла. Лет пятьдесят. Короткая стрижка с сединой на висках. Глаза серые, глубоко посаженные, с мешками внизу — не от пьянства, а от недосыпа. Руки большие, с обкусанными ногтями. Пиджак дорогой, но мятый — как будто он спал в нём. И запах — кофе, табак, и что-то сладкое, напоминающее крем для рук, которым он мажет потрескавшиеся пальцы.

— Кира Сергеевна, — он встаёт из-за стола, протягивает руку. Пожатие сухое, сильное, профессиональное. — Спасибо, что пришли.

— У меня не было выбора, — она садится на стул напротив.

— Выбор всегда есть, — Горелов тоже садится. На столе — папка. Красная. Толстая. На обложке — фамилия: «Ветрова». — Вы могли не звонить. Уйти. Забыть. Но вы позволили. Почему? — Кира смотрит на него. Вопрос не праздный. Он проверяет: нормальный ли она свидетель или психопатка, которую нужно держать на расстоянии.

— Потому что это был человек, — говорит она. — Умирающий. Мне показалось правильным сообщить.

— Вы не кричали. Не звали на помощь. Не спустились во двор. Просто стояли на лестнице и смотрели. Вы всегда так реагируете на убийства? — Он читал показания оператора. Или уже посмотрел записи с камер — если они есть на по-

жарной лестнице.

— Я не знаю, как я реагирую, — честно отвечает Кира. — Я не была раньше свидетелем убийства. — Горелов хмыкает — не то чтобы недоверчиво, но с лёгким сомнением. Открывает папку, достаёт фотографию. Крупный план. Лицо убитого. Мужчина лет сорока, правильные черты, дорогой уход — кожа гладкая, брови выщипаны, на щеке едва заметный шрам от прыща. Глаза закрыты. На шее — чёрная, зияющая рана, края которой уже начали подсыхать.

— Узнаёте?

— Нет. Я видела его с расстояния. И он был жив.

— А теперь? — Горелов пододвигает фотографию ближе. Психологический приём: заставить смотреть на мёртвое лицо, чтобы увидеть реакцию. Кира смотрит. Без эмоций.

— Теперь мёртв. — Горелов убирает фото. Берёт ручку, готовится писать в блокноте.

— Хорошо. Расскажите с самого начала. Как вы оказались на пожарной лестнице. Кира рассказывает. Не всю правду — ту часть, которую можно говорить. Концерт. Усталость. Духота. Решила выйти подышать. Увидела в переулке двух мужчин. Подумала — ссора. Потом высокий ударил ножом. Убежал.

— В какую сторону?

— В глубь переулка. Там есть проход между домами.

— Вы видели его лицо? — Кира замирает. Вот оно. Ложь. Первая ложь следователю. Если она скажет про маску — нач-

нут искать. Найдут. Поймают. И тогда она никогда не узнает, почему он помахал ей. Почему не убил. Почему прислал сообщение в отель. Маска — её секрет. Её загадка. Её личная тень.

— Нет. Он был в капюшоне. Очень тёмный переулок.

— Рост?

— Около ста девяносто. Может, выше.

— Телосложение?

— Широкие плечи. Руки длинные. Двигался плавно.

— Одежда? — Кира сглатывает. Красные штаны. Чёрное худи. Капли крови. Она помнит каждую деталь. Но если она назовёт красные штаны — это примета. Слишком яркая примета. Полиция начнёт искать по камерам мужчину в красных штанах. Найдёт. Поймает.

— Темная. Не разглядела. — Горелов откладывает ручку. Смотрит на неё. Долго. Взгляд тяжелый, рентгеновский. Таким взглядом следователи смотрят на подозреваемых, когда знают, что те врут, но не могут доказать.

— Кира Сергеевна, — говорит он медленно, как учитель с нерадивым учеником. — Вы единственный свидетель. Мужчина убит. У него дома осталась жена и двое детей. Я хочу найти того, кто это сделал. Но мне нужна правда. Вся правда. — Кира не отводит взгляд. Внутри — пустота, чёрный бархат. Следователь не может пробить её эмоционально, потому что эмоций нет. Она — идеальный лжец.

— Я сказала всё, что помню. — Горелов вздыхает. Встаёт.

Подходит к окну. За окном — серое небо, провода, голуби на карнизе.

— У нас есть записи с камер, — говорит он в окно. — Не на лестнице там глухая зона. Но на въезде в переулок. И на выезде. Мы видели вас. Вы вышли из чёрного хода, поднялись на лестницу, стояли там семь минут. Потом спустились и ушли. Вы ни разу не достали телефон, чтобы сфотографировать убийцу. Не кричали. Не звали на помощь. Вы просто смотрели. Семь минут. Смотрели на труп. Он поворачивается. Глаза сузились.

— Вы знаете, сколько людей так реагируют на убийство? — Кира молчит. — Один процент, — продолжает Горелов. — Психопаты. Профессиональные убийцы. Или люди, которые уже видели смерть раньше. Вы кто, Кира Сергеевна? — Вопрос повисает в воздухе. Тяжелый, тёмный, как смола. Она могла бы сказать правду. Рассказать про тот случай. Про руки на плечах. Про комнату с обоями в цветочек и часы 11:47. Про четыре года диссоциации и пустоты. Про то, что смотрела на убийство как кино — потому что не могла чувствовать. Но она не говорит.

— Я певица, — улыбается Кира. Той самой сценической улыбкой — теплой, правильной, фальшивой. — Мы все немного психопаты. — Горелов сжимает челюсть. Он понимает, что не добьётся большего сегодня. Но он её запомнил. И она это видит.

— Хорошо, — говорит он. — Можете идти. Но будьте на

связи. Я буду задавать вопросы ещё. — Кира встаёт. В дверях оборачивается.

— Полковник, — говорит она. — Убитый. Кто он? — Горелов колеблется. Но потом отвечает:

— Александр Игоревич Туманов. Бизнесмен. Сорок три года. Занимался поставками медицинского оборудования.

— У него были враги?

— У всех бизнесменов есть враги.

— Заказное убийство?

— Слишком грязно для заказного. Слишком жестоко. Заказные убийства — это выстрел в голову или укол воздуха. А тут — нож в шею. Личное. — Кира кивает. Выходит в коридор. Идёт к выходу. Коридор длинный, серый, с выцветшими плакатами «Бдительность — наша сила» и «Сообща, где торгуют смертью». Проходит мимо допросных — через полуоткрытые двери видно людей: молодой парень с разбитым носом, плачущая женщина с синяком под глазом, старик, который сидит неподвижно, как статуя. В конце коридора — столовая. Запах капустного супа и котлет. Кира останавливается. Потому что видит телевизор на стене столовой. Маленький, старый, с искажёнными цветами. По телевизору — новости. Ведущая, яркая блондинка с идеальной укладкой, говорит:

— А теперь сенсация. В сети появилось странное видео. На нём неизвестный в маске выходит на крышу одного из домов в центре Москвы и... жестикулирует. Как вы думаете-

те, что это значит? Наш эксперт по языку телодвижений... — Кира входит в столовую. Смотрит на экран. Видео. Плохое качество — снято на телефон с большого расстояния. Но она узнаёт фигуру сразу. Высокий. Широкие плечи. Чёрное худи. Красные штаны. Он стоит на крыше — невысокой, может быть, пятиэтажки. Вокруг — другие дома, антенны, спутниковые тарелки. Ветер треплет капюшон. Лица не видно — только маска. Электронная. Светится даже при дневном свете — бледно-синим, призрачным. Но маска сейчас не показывает волны. Маска показывает другой узор. Геометрический. Пальцы — большие, длинные — складываются в фигуры. Жесты. Он двигает руками медленно, будто говорит с кем-то, кто находится очень далеко. Кира не понимает жесты. Она никогда не учила язык глухих. Но сердце — её мёртвое сердце — начинает биться чаще. Тук-тук. Тук-тук. Он говорит на камеру. Он знает, что его снимают. Он обращается к кому-то. Оператор видео — человек на соседней крыше — комментирует испуганным голосом:

— ...я просто снимал закат, а он появился из ниоткуда... я не знаю, что он делает... полицию вызвал? нет, блин, сейчас... он просто стоит и... руками машет...

Тень — Кира уже привыкла называть его так — заканчивает свой молчаливый монолог. Руки опускает. Маска перестраивает узор — теперь это снова волны, эквалайзер, анимация звука. Он поворачивается к камере. Наклоняет голову. Та же поза, что в переулке — лёгкий, почти нежный на-

клон, будто он рассматривает зрителя через объектив. И машет. Той же рукой. Теми же пальцами. Видео обрывается. Ведущая в студии говорит:

— Мы связались с экспертом по невербальной коммуникации, профессором Савельевым. Профессор, что вы можете сказать об этом видео? Экран делится на две части. Слева — повтор видео, застывшее на последнем кадре: Тень машет рукой. Справа — мужчина в очках, с бородой, похожий на преподавателя вуза.

— Человек на видео использует жестовый язык, — говорит профессор. — Международный. Я не специалист, но некоторые комбинации мне знакомы. Например, фигура, которую он сделал в начале — пальцы сложены в кольцо, остальные подняты — это жест, обозначающий «внимание». Дальше — движение от груди вперёд — это «я». «Я» или «мы». Есть ещё жест, который выглядит как указательный палец, направленный вверх, затем движение к глазам — это «смотреть» или «видеть». — Кира задерживает дыхание.

— Можете перевести полностью? — спрашивает ведущая. Профессор качает головой:

— Нужен полноценный переводчик. Но первые приближительные... Он как будто говорит кому-то: «Я вижу тебя». Или «Я нашел тебя». И последний жест — очень похож на... — профессор мнётся. — На «солнце». Жест «солнце» — это пальцы, расходящиеся лучами от головы. Да, я почти уверен. Он говорит что-то про солнце.

Кира стоит перед телевизором в столовой Петровки, 38, и чувствует, как пол уходит из-под ног. «Я найду тебя, солнышко».

Он обращается к ней. Он встал на крыше, позволил себя снять, жестикулировал на камеру — и всё это ради неё. Для неё. Чтобы она увидела. Чтобы поняла: он не прячется. Он не боится. Он здесь — и он придёт.

— Выключите, — говорит Кира громко.

Повариха за раздачей — толстая женщина в белом колпаке — оборачивается:

— Чего?

— Выключите телевизор. Пожалуйста. — Повариха пожимает плечами и нажимает кнопку на пульте. Экран гаснет. Кира выходит из столовой. Идёт к выходу быстрым шагом. Проходит мимо дежурного, который что-то говорит ей вслед, но она не слышит. На улице — холодный ветер, серое небо, мелкий снег, который тает на асфальте, превращаясь в грязную кашу. Кира садится в такси.

— В отель, — говорит. Всю дорогу молчит. Смотрит в окно. Думает.

Профессор сказал: «солнце». Жест «солнце». Пальцы лучами от головы. Она вспоминает — её давняя фотосессия для обложки альбома. «Солнце внутри». Она там в жёлтом платье, с распущенными волосами, на фоне заката. Альбом вышел два года назад. Стал платиновым. Он следит за ней давно. Не со вчерашнего дня. Не с концерта. Годами. Ки-

ра закрывает глаза. В темноте под веками — он. Тень. Без маски. Она не помнит его лица, но тело помнит. Плечи помнят. Кожа помнит, как холодные пальцы сжимали ключицы. В отеле она сразу садится за ноутбук. Вбивает в поиск: «язык жестов обучение Москва». Выпадает сто ссылок. Центры. Курсы. Индивидуальные занятия. Репетиторы онлайн. Кира выбирает первого в списке — «Центр жестового языка "Говорящие руки"». Номер телефона. Звонит.

— Алло, — женский голос, мягкий, с лёгкой картавостью.

— Здравствуйте. Мне нужен преподаватель. Интенсив. Очень интенсив. Я хочу выучить язык жестов за минимальное время. — Пауза.

— Вы понимаете, что это невозможно? Язык жестов — это полноценный язык. Грамматика, лексика, синтаксис. Для базового уровня нужно минимум три месяца регулярных занятий.

— У меня нет трёх месяцев, — говорит Кира. — У меня, возможно, нет трёх недель.

— Что значит...?

— Я готова платить в десять раз больше обычной ставки. Занятия каждый день. По четыре часа. Утром, днём, вечером — любое время. Я буду учить ночью. Я буду учить во сне. Я должна понимать жесты. Быстро. — Женщина на том конце провода молчит. Думает.

— Хорошо, — говорит она наконец. — У нас есть преподаватель. Молодой человек, очень талантливый. Он работает

со сложными случаями. Но он дорогой.

— Цена не имеет значения.

— Его зовут Даниил. Он глухой от рождения. Жестовый язык — его родной. Он научит вас думать на нём, а не просто переводить.

— Когда он может начать?

— Завтра. В десять утра. Приезжайте в центр, я дам адрес. — Кира записывает адрес. Кладёт трубку. Смотрит на телефон. То смс — от Тени — всё ещё там. Она так и не ответила. Но теперь знает, что ответит.

Пальцы дрожат — впервые за четыре года. Не от страха. От предвкушения. От сладкого, тягучего, почти болезненно-го чувства, которое разливается в груди. Она не знает, как оно называется. Может быть, надежда. Может быть, одержимость. Может быть, любовь — та самая, тёмная, опасная, которую поют в своих песнях поп-звёзды, но никогда не испытывают. Кира пишет смс. Всего три слова: «Я буду ждать». Отправляет. Через три секунды — ответ: «Умница».

Она не спит всю ночь. Смотрит видео с Тенью на повторе. Всматривается в его жесты. Пытается запомнить движения пальцев. Повторяет их — сидя перед зеркалом, как когда-то повторяла улыбку. Руки неуклюжие, пальцы не слушаются. Она злится. Впервые за четыре года злится — на себя, на свою беспомощность, на то, что не может понять его молчаливый язык. «Я выучу, — шепчет она своему отражению. — Я пойму, что ты сказал. И тогда — мы встретимся». Утром

она едет в центр «Говорящие руки». Маленькое помещение на первом этаже старого дома, недалеко от метро «Курская». Табличка на двери — синяя, с белыми буквами. Кира входит. Внутри — светло, чисто, пахнет кофе и бумагой. На стенах — плакаты с жестами: алфавит, цифры, основные фразы. «Здравствуйте». «Спасибо». «Я тебя люблю». Кира смотрит на последний плакат и холодеет. «Я тебя люблю» — это жест: поднятые вверх большой, указательный и мизинец, средний и безымянный прижаты к ладони. Именно этот жест она видела вчера на видео. Не в конце — в середине. Тень сложил пальцы именно так, когда профессор сказал «солнце». Значит, Тень сказал не просто «я найду тебя, солнышко». Он сказал «я люблю тебя». Или что-то близкое к этому. Кира закрывает глаза. Сердце — тук-тук-тук. Она открывает дверь в класс. Там, за столом, сидит молодой парень — лет двадцати пяти, короткие русые волосы, очки в тонкой оправе, джинсы, свитер с оленем. Обычный. Ничем не примечательный. Он смотрит на неё спокойно, тёплыми карими глазами. Кира садится напротив.

— Вы Даниил? — спрашивает она. Он не отвечает. Только улыбается и показывает жест: пальцы сложены в фигуру, похожую на букву «К», затем движение от груди к ней. «Привет». «Как дела?». Она не понимает, но догадывается.

— Я хочу учить, — говорит Кира. — У меня мало времени. И я должна понять кое-что. Один человек. Он говорит жестами. Я не знаю, что он сказал. Но мне нужно знать. Быст-

ро. Даниил кивает. Достает блокнот и ручку. Пишет крупными буквами: «Тогда начнём прямо сейчас».

Кира выдыхает. Внутри неё — не пустота. Внутри неё — что-то большое, тёмное, сладкое, пульсирующее в такт сердцу. Она не знает, как это называется. Но это похоже на жизнь.

Глава третья.

Балкон

Она возвращается с концерта в два часа ночи. Пальцы до сих пор помнят микрофон. Горло саднит от последней высокой ноты — ту, которую она взяла на «Стеклянной девочке», зал взорвался, люди кричали, кто-то упал в обморок в пятом ряду, скорая приехала через четыре минуты, девушку увезли, но она была в порядке, просто эмоции, просто переизбыток счастья, просто любовь к певице, которая не чувствует ничего. Кира выходит из лифта на двенадцатом этаже. Коридор гостиницы — мягкий ковёр, приглушённый свет, запах дезинфектора и дорогого шампуня. Номер 1210. Она вставляет карточку, зелёный огонёк, щелчок замка. Дверь открывается. В номере темно. Только свет из окна — луна, жёлтая, низкая, висит прямо напротив, как огромный глаз, который смотрит на неё через стекло. Кира делает шаг внутрь. Второй. Щёлкает выключателем у входа — ничего. Свет не загорается. Лампочка перегорела? Или выкрутили? Она не помнит, работал ли свет, когда уходила. В спешке перед кон-

цертом она не обращает внимания на такие мелочи. Грим, волосы, платье, сцена — вот что важно. Лампочки могут подождать. Она идёт в глубь номера, к гостиной. Лунный свет становится ярче — луна переместилась, теперь она светит прямо в панорамное окно гостиной, заливая комнату молочным, почти жидким сиянием. Кира видит диван. Стол. Свои журналы — те, которые она никогда не читает, но которые ей присылают для интервью: «VOGUE», «Interview», «The Hollywood Reporter» — они разбросаны по столу. Но она раскладывала их аккуратно перед выходом. Она помнит. Потому что аккуратность — единственная форма контроля, которая у неё осталась. Она не может контролировать эмоции — их нет. Не может контролировать сны — они приходят сами. Но журналы на столе — да. Они лежали ровной стопкой. Сейчас — веером. Кто-то листал их. Кто-то сидел на этом диване и перебирал страницы, разглядывал её фотографии, читал интервью, которые она не писала, но подписывала своим именем. Кира замирает.

Потому что на балконе — фигура. Высокая. Широкая. Чёрная на фоне жёлтой луны. Он сидит на пластиковом стуле, который она вынесла туда утром, чтобы выпить кофе. Сидит спокойно, расслабленно, положив ногу на ногу. Красные штаны — в лунном свете они кажутся чёрными, только глубокие складки на коленях выдают цвет. Чёрное худи с капюшоном, откинутым назад. И маска. Электронная. Светится бледно-синим — анимация волн, эквалайзер, который пуль-

сирует в такт его дыханию. Тень. Он здесь. В её номере. На её балконе. Кира не дышит. Внутри — вакуум. Ни страха. Ни паники. Только одно — лёгкое, сладкое, как первый глоток вина после долгого воздержания — узнавание. Она ждала его. Неосознанно. Всю эту неделю после убийства она ловила себя на том, что смотрит на высоких мужчин в метро, на остановках, в толпе фанатов. Сканирует лица — нет, не лица, плечи, рост, походку. И вот он. Пришёл сам. Она делает шаг к балкону. Он поднимает руку. Ладонь раскрыта, пальцы направлены вниз — стоп. Не подходи. Кира останавливается. Смотрит на него. Расстояние — метра три. Может быть, чуть больше. Он сидит, она стоит. Его маска перестраивает анимацию — волны замирают, превращаются в прямую линию, потом — новая картинка. Глаза. На маске загораются два круга — больших, ярких, синих. Глаза без зрачков. Они смотрят на неё. У маски нет век, но Кира чувствует — он моргает. Медленно. Как сова.

— Ты... — шепчет Кира. Голос садится. Она кашляет, прочищает горло. — Как ты сюда попал? — Он не отвечает. Конечно. Он не говорит. Она знает. Тень наклоняет голову — тот самый лёгкий, почти нежный наклон, который она видела в переулке. Маска улыбается. Волны собираются в дугу — широкую, тёплую, почти ласковую. Не такую, как в переулке. Тогда улыбка была хищной, ликующей. Сейчас — другая. Спокойная. Грустная. Если электронная маска может быть грустной. Кира делает ещё шаг. Рука Тени снова

поднимается. Теперь пальцы сложены иначе — она узнаёт этот жест. Она учила его вчера с Даниилом. «Нет». «Остановись». «Не надо». Международный жест. Она не ошибается.

— Ты не хочешь, чтобы я подходила? — Тень кивает. Один раз. Медленно.

— Почему? — Он не отвечает. Только смотрит. Два синих круга на маске — немигающих, бесконечных. И вдруг — один круг гаснет. Маска показывает подмигивание. Шутка. Или не шутка. Кира остаётся на месте. Расстояние — два с половиной метра. Почти два, если считать от её вытянутой руки. Он прав. Она чувствует — если подойдёт ближе, что-то случится. Не с ним. С ней. С той стеной внутри, которая трещит по швам каждый раз, когда он рядом.

— Зачем ты пришёл? — спрашивает она. Тень опускает руку. Наклоняется к столу — тому самому, с журналами. Кира только сейчас замечает, что на столе, помимо разбросанных глянцевых страниц, лежит что-то ещё. Белый прямоугольник. Записка. Тень пальцем пододвигает записку к краю стола. Потом встаёт.

Он огромный. Сидя на балконном стуле, он казался большим. Стоя — он занимает собой всё пространство между перилами и стеклянной дверью. Лунный свет ударяет ему в спину, превращая в чёрный силуэт с сияющей маской. Два метра роста. Может быть, два и два. Кира смотрит снизу вверх, и впервые за четыре года её тело вспоминает, что значит быть маленькой. Не страшно. По-другому. Тёпло. Он

смотрит на неё. Маска показывает волны — редкие, спокойные, как дыхание спящего. Тень поднимает руку. Пальцы складываются в жест. Она не понимает — они учили алфавит и простые фразы, но этот жест сложный, быстрый, похожий на танец. Средний палец касается большого, остальные растопырены, движение от груди к виску, потом вниз, потом в сторону.

«Я помню», — переводит она про себя. Или нет? Она не уверена. Он ждёт секунду. Потом разворачивается — плавно, текуче — перекидывает ногу через перила балкона.

— Стой! — кричит Кира. Он замирает. Половина тела уже за перилами. Внизу — двенадцать этажей, асфальт, припаркованные машины, ночной дворник с метлой. Он поворачивает голову — маска смотрит на неё через плечо.

— Не надо, — говорит Кира. — Не прыгай. Ты же... разобьёшься. — Тень не отвечает. Но Кира видит: его плечи вздрагивают. Беззвучный смех. Он смеётся над ней. Над её наивностью. Разве Тень может разбиться? Разве его может убить что-то такое простое, как падение с высоты? Он отпускает перила. И падает. Скользит. Течение чёрной ткани, вспышка красного в лунном свете, и — тишина. Кира бросается к балкону, хватается за холодный металл перил, смотрит вниз.

Пусто. Ни тела. Ни красного пятна. Ни звука. Дворник возится с мусорными баками, не поднимая головы. Машины спят на парковке. Ветер колышет ветки голого дерева у

подъезда. Он пропал. Как тень на солнце. Был — и нет. Кира стоит на балконе несколько минут. Смотрит вниз, влево, вправо. Ничего. Только луна и холодный ноябрьский ветер, который забирается под пальто. Она возвращается в гостиную. Подходит к столу. Записка. Белая. Бумага плотная, дорогая — похожа на ту, что используют в старых отелях для меню. Края неровные — оторвана от большего листа. Чернила синие, шариковая ручка. Почерк мужской, твёрдый, с нажимом. Буквы чуть наклонены вправо. Кто-то учился писать красиво, но спешил. Кира читает.

«я не могу тебя трогать. но я могу смотреть на тебя. ты меня не помнишь. но я помню каждую твою деталь. ведь ты наша маленькое солнышко. и моя звездочка.» Строчка. Ещё одна. Внизу, мелко: «я был там. в ту ночь. я всё видел. я ничего не мог сделать. прости.»

Кира перечитывает. Раз. Второй. Третий. «Наша маленькое солнышко». Грамматическая ошибка. «Наша» вместо «наше». Мужчина писал. Нервничал. Спешил. Или русский не родной. Или просто — ошибка, от которой что-то внутри Киры вздрагивает. Потому что так её называл отец. Маленькое солнышко. Он говорил это, когда она была ребёнком. До того. До той комнаты. До рук на плечах. До того, как мир раскололся на до и после. «Ты наше маленькое солнышко, Кира». Она помнит голос. Низкий, тёплый, с лёгкой хрипотцой — отец много курил. Он гладил её по голове, когда она плакала из-за разбитой коленки. Он говорил: «Не плачь, сол-

нышко. Всё заживёт». Она не плакала потом четыре года. И мать. Мать называла её звездочкой. Не солнышком — звездочкой. «Ты моя звездочка, Кира. Ты будешь светить всем». Мать умерла. Когда? Она не помнит. До или после той комнаты? Воспоминания смешались, как краски в мутной воде. Кира садится на диван. Записка дрожит в руках. «И моя звездочка». Два прозвища. От отца и от матери. В одной записке. Кто мог знать их оба? Кто был там, в ту ночь? Кто всё видел и ничего не мог сделать? Она пытается вспомнить. Комната. Обои в цветочек. Часы 11:47. Руки. Чьи-то тяжёлые, влажные руки на её плечах. И ещё кто-то? В углу? За дверью? Лицо, которое смотрит из полумрака? Голова взрывается болью. Не метафорой. Буквально. Как будто кто-то вставил иглу в затылок и включил ток. Кира хватается за голову, роняет записку. Зубы сжимаются так сильно, что скрипят. Перед глазами — вспышки. Белые, оранжевые, красные. Картинки, которые мелькают слишком быстро, чтобы их разглядеть. Чья-то улыбка. Разбитое стекло. Кровь на ковре.

— Нет, — шепчет она. — Нет, не надо. — Паническая атака накрывает волной — горячей, солёной, удушающей. Кира не чувствует эмоций четыре года. Но боль — это не эмоция. Это физика. Тело помнит то, что мозг отказывается вспоминать. Тело кричит. Извивается. Защищается. Она падает с дивана на пол. Спиной упирается в ножку стола. Голова запрокинута, глаза закрыты. Воздух не идёт в лёгкие — как будто кто-то затянул невидимый пояс на груди. Она хвата-

ет ртом пустоту, как рыба, выброшенная на песок. И в этом беспомощности, на грани обморока, она видит — не вспоминает, нет, просто видит, как сквозь мутное стекло — комнату. Ту самую. Обои в цветочек. Часы 11:47. И трёх людей. Она — маленькая, в розовой пижаме, сидит на ковре. Руки связаны за спиной. Рот заклеен скотчем. Первый мужчина — тот, чьи руки на её плечах. Лица не видно — только силуэт, огромный, дышащий перегаром и скипидаром. Второй — в углу. Тень. Но не тот Тень, которого она знает. Этот — маленький. Подросток. Лет пятнадцать. Он сидит на корточках, обхватив колени руками. Глаза блестят в темноте. Он смотрит на неё. И третий — мёртвый. На полу, лицом вниз. Белая рубашка, залитая красным.

— Папа! — кричит Кира. Но звука нет. Скотч на губах. Она просыпается на полу гостиной.

Вокруг — темнота. Луна ушла за облако. Номер пахнет холодом с балкона и её собственным потом. Записка лежит рядом. Кира подбирает её. Пальцы всё ещё дрожат. Читает снова: «я был там. в ту ночь. я всё видел. я ничего не мог сделать. прости.»

Он был там. Он видел. Он — тот мальчик в углу. Подросток с блестящими глазами, который смотрел, как её отец умирает. Или не отец? Кто был тот мужчина в белой рубашке? Кира не помнит. Мозг отталкивает воспоминания как инородное тело. Каждый раз, когда она пытается приблизиться к той ночи, накатывает паническая атака. Тело

закрывается. Защищается. Выживает. Но теперь у неё есть подсказка. Тень. Мальчик из угла. Он вырос. Стал высоким, сильным, неуязвимым. Он носит маску, потому что не хочет показывать лицо. Или потому что лицо — единственное, что она могла бы узнать? Он не приближается ближе чем на два метра. Не прикасается. Почему? Боится её реакции? Боится, что она вспомнит? Или боится, что она не вспомнит, а тело — вспомнит? Его прикосновения? Кира берёт телефон. Ноль двадцать три ночи. Пишет Даниилу, преподавателю жестового языка:

«Завтра занимаемся в шесть утра. Мне нужно выучить три фразы к завтрашнему вечеру: "Я тебя помню", "Кто ты" и "Не уходи"». Отправляет.

Через минуту ответ: «Будет сложно. Но попробуем. Приезжайте». Кира ложится на диван. Не в спальню. В гостиную. Туда, где он сидел. Где его тень касалась стен. Где воздух ещё хранит запах — не скипидар и табак. Другой. Дорогой парфюм, с нотками кожи и дерева. И что-то ещё, сладкое, неуловимое. Как детство. Она закрывает глаза. Маска улыбается ей из темноты. Синие волны пульсируют. Она не знает, кто он. Не помнит той ночи. Не понимает, почему мозг превращается в желе каждый раз, когда она пытается вспомнить. Но она знает одно. Он пришёл. Не убил. Не тронул. Оставил записку. Сказал «прости». И исчез, как тень на солнце. Она найдёт ответ. Даже если ответ убьёт её. Даже если ответ — это она сама.

Глава четвёртая.

Танец с ножом

Утро после той ночи Кира встречается на балконе. Она не спала. Сидела на том самом пластиковом стуле, где он сидел, смотрела на то, на что он смотрел — на серые крыши Москвы, на трубы ТЭЦ, дымящие в рассветное небо, на бесконечные вереницы машин внизу. Она провела пальцами по перилам там, где он держался. Ничего. Только холод и ржавчина. Ни следа. Ни отпечатка. Ни запаха. В шесть утра она уже ехала к Даниилу. Центр «Говорящие руки» встречал её тишиной. Не той пустой тишиной, от которой звенит в ушах, а живой — с шорохом страниц, с лёгким постукиванием клавиш, с дыханием людей, которые говорят без звука. Кира вошла в класс. Даниил уже сидел за столом, перед ним — ноутбук, блокнот, две чашки кофе. Одну он пододвинул к её стулу.

— Вы не спали, — написал он в блокноте. Не вопрос. Утверждение.

— Я не сплю вообще, — ответила Кира, садясь. — Это не важно. Мне нужно учить. Много. Быстро. — Она достала телефон, открыла экранную запись того видео — того самого, с крыши, где Тень жестикулировал на камеру. Профессор в новостях перевёл приблизительно. Но Кира хотела точного перевода. И не только того видео. Она хотела понимать язык, на котором говорит Тень. Чтобы в следующий раз, когда он

придёт на балкон, она могла ответить. Даниил посмотрел на видео. Его лицо — обычно спокойное, с лёгкой полуулыбкой — стало серьёзным. Он перемотал, посмотрел жест за жестом, записывая что-то в блокнот. Потом поднял голову и показал первый жест — медленно, разделяя на составные части.

— Это «я», — Даниил написал в блокноте. — Указательный палец вверх, затем к груди. Он говорит о себе. Кира повторила. Палец не слушался, сгибался не туда.

— Не торопись. Важна форма. Каждый жест это слово. Если собьёшь форму получится другое слово. — Она учила два часа подряд. Алфавит — пальцы складываются в буквы, ладонь поворачивается, меняется угол. Базовые фразы — «привет», «как дела», «спасибо», «пожалуйста». Местоимения — «я», «ты», «он», «она», «мы». Глаголы движения — «идти», «приходить», «уходить», «прыгать». Время. Кира запоминала с пугающей быстротой. Мозг, четыре года запертый в эмоциональном вакууме, вдруг открыл новые каналы. Она не чувствовала — но она запоминала. Как компьютер. Как машина.

— У тебя талант, — написал Даниил в конце занятия. — Или отчаяние.

— И то, и другое, — ответила Кира. Она уехала в час дня. В отеле — душ, чёрный кофе, полчаса горизонтального положения на диване. Глаза закрыты. Под веками — маска. Синие волны. И пальцы, складывающиеся в жесты. Она про-

кручивала в голове каждое движение, которое выучила. Потом — те, которые ещё не выучила. Кончиками пальцев, лёжа на спине, она повторяла жесты в воздухе. Её руки учились говорить раньше, чем она сама понимала, что они говорят. В четыре часа она включила телевизор. Не потому, что хотела новостей. Просто звук голоса — чужого, ненавязчивого — помогал ей не проваливаться в пустоту. Она лежала на диване, переключала каналы: ток-шоу, кулинарное шоу, сериал, реклама шампуня. Потом новости. Канал «Россия 24». Студия. Ведущий — строгий мужчина в синем пиджаке, с идеальным пробором — читает с телесуфлера:

— Тревожные сообщения поступают из центра Москвы. На Красной площади, прямо у стен Кремля, совершено дерзкое убийство. По предварительным данным, неизвестный напал на мужчину, предположительно 1978 года рождения, и скрылся. В распоряжении нашей редакции оказалось видео, снятое очевидцем с балкона гостиницы «Москва». Предупреждаем: эти кадры могут шокировать. Кира села на диване. Она уже знала, кого увидит. Экран моргнул, и началось видео. Плохое качество — телефон, зум, дрожащие руки. Красная площадь. Собор Василия Блаженного на заднем плане, разноцветные купола, тучи. Толпа людей — туристы, продавцы сувениров, дети с мороженым. И посреди всего этого — Тень. Он не прятался. Не крался. Не нападал из-за угла. Он просто шёл через площадь, как обычный прохожий — высокий, в красных штанах и чёрном худи. Люди рассту-

пались перед ним, не понимая почему. Инстинкт. Стадное чувство. Кто-то оборачивался, кто-то доставал телефон — снимать странного косплеера. Жертва — мужчина лет сорока шести, в дорогом чёрном пальто, с кожаным портфелем в руке — шёл от Исторического музея в сторону храма. Неспешно. Уверенно. Телохранители? Нет. Кира прищмотрелась — ни одного человека в чёрном костюме рядом. Он был один. Или считал себя в безопасности. Красная площадь. Люди вокруг. Камеры. Кремль в двухстах метрах. Кто посмеет? Тень посмел. Он ускорил шаг. Всего на несколько градусов — не бег, не спринт, а текучее, почти незаметное увеличение скорости. За три секунды он сократил расстояние до жертвы. Мужчина в пальто повернул голову. Увидел. Рот открылся. Кира не слышала крика — на видео звука не было, только музыка, наложенная телевизионщиками, тревожные скрипки. Но она прочитала по губам: «Помогите». Рука Тени взметнулась вверх. В ней — нож. Не тот, что в переулке. Другой. Длинный, с зазубринами, похожий на хирургический инструмент. Нож вошёл в голову жертвы. С левой стороны, над ухом, туда, где череп тоньше всего. Кира не отводила глаз. Она видела смерть в переулке. Но та была быстрой, почти милосердной по сравнению с этой. Тень провернул нож — один оборот, второй. Кровь брызнула не фонтаном, а каким-то чудовищным веером, чёрным на фоне пёстрых куполов. Люди вокруг закричали. Кто-то побежал. Кто-то упал. Женщина с коляской застыла как вкопанная, и

ребёнок в коляске заорал — Кира видела, как открывается рот, как складываются морщинки на лице. А Тень вытащил нож. И тут случилось то, что Кира не могла забыть даже спустя годы. Тень закружился. Не уходил. Не прятал оружие. Он танцевал. С ножом в руке, с телом, которое ещё не упало — оно стояло, как марионетка с обрубленными нитями — Тень сделал пируэт. Потом второй. Нож переключался из правой руки в левую, сверкнув лезвием на солнце. Красные штаны развевались. Капюшон упал с головы — открылась маска. Электронная. Сияющая. Улыбающаяся во весь экран. Он подхватил тело под мышки. Кира не поняла, как у него хватило сил. Мужчина в пальто весил, наверное, килограммов девяносто. Но Тень поднял его как пушинку — одним движением, без видимого усилия. Раскрутил. И бросил. Тело взлетело. Оно перевернулось в воздухе — руки, ноги, пальто развеваются — и упало на крышу трёхэтажного здания. Того самого, что стоит слева от храма. Гостиница? Музей? Кира не знала. Она видела только, как тело ударяется о шифер, проламывает его и исчезает в черноте чердака. Толпа разбежалась. Площадь опустела за несколько секунд. Остались только разбросанные сувениры — матрёшки, платки, магнитные фигурки кремля. И Тень. Один посреди всего этого великолепия. Он повернулся к камере. К камере того человека, который всё это снимал. Кто-то из смелых — или глупых — остался на балконе гостиницы и не выключил запись. И теперь Тень смотрел прямо в объектив. Маска перестро-

ила анимацию — волны исчезли, появилось лицо. Не человеческое. Электронное. Глаза-круги, улыбка-дуга. Но Кира знала: за этой электронной улыбкой — настоящая. Он улыбался. Он наслаждался. Он поднял руки. Медленно. Торжественно. Как дирижёр перед финальной частью симфонии. И начал говорить. Без звука. Только жесты.

Пальцы сложились в фигуру. Кира узнала некоторые из них. «Я» — указательный палец к груди. «Верну» — движение от себя, ладонь раскрыта, пальцы сжимаются в кулак. «То, что» — сложный жест, вращение кисти. Она не поняла. Но запомнила. «Принадлежало» — два указательных пальца вместе, потом врозь. «Нам с тобой» — круговое движение между собой и воображаемым собеседником. «По праву» — кулак стучит по груди, три раза. И последний жест. Она его знала. Учила сегодня утром. Пальцы расходились лучами от головы. «Солнце». Тень опустил руки. Посмотрел в камеру. Маска улыбнулась — шире, ярче, сильнее. И он ушёл. Просто повернулся и пошёл в сторону Кремля. Никто не пытался его остановить. Охрана? Полиция? Спецназ? Они приехали через восемь минут. Но Тени уже не было. Видео обрвалось. В студии ведущий сказал что-то про шокирующую жестокость и что правоохранительные органы уже работают на месте. Кира не слушала. Она смотрела на экран, где всё ещё стоял последний кадр — Тень с поднятыми руками. Она взяла телефон. Включила запись экрана. Перемотала видео на момент, когда Тень начал жестикулировать. Записала. По-

том ещё раз — медленнее. Потом ещё — покадрово. Потом набрала Даниилу.

— Я приеду. Через полчаса. Будьте там.

— Но у меня занятия до восьми, — написал он. — Группа.

— Отмените. Я заплачу. — Короткая пауза.

— Хорошо. Жду. — Кира вылетела из отеля. В такси она смотрела запись на повторе, пытаясь сама сложить жесты в предложения. «Я верну... что-то... нам с тобой... солнце». Она чувствовала — это важно. Это ключ. Это нить, которая связывает её с Тенью крепче, чем любая записка или смс. Даниил встретил её в центре. В пустом классе — группа разошлась, на столах остались разбросанные учебники, чашки с недопитым чаем, листки с нарисованными руками. Кира села, положила телефон на стол, запустила запись. Даниил смотрел. Один раз. Второй. Попросил замедлить. Третий раз — покадрово, палец замирает на каждом жесте, Даниил записывает в блокноте буквы, слова, пометки о контексте. Потом он отложил ручку. Посмотрел на Киру. Его лицо — обычно спокойное, почти непроницаемое — было напряжённым. Он взял блокнот и написал большими буквами: «Ты уверена, что хочешь это знать?»

— Что значит «уверена»? — Кира нахмурилась. — Конечно, уверена. Переводи. — Даниил помедлил. Потом написал:

«Это не просто угроза. Это обещание. Он говорит о том, что у вас с ним было что-то общее. И он хочет это вернуть.»

Кого-то. Или что-то, что принадлежало вам обоим.»

— Я поняла. Переводи точно. Слово в слово. — Даниил вздохнул. Перечитал свои записи. Провёл пальцем по строчкам, проверяя грамматику жестового языка — порядок слов в нём отличается от русского, он строится вокруг пространства и времени. Потом написал: «Я ВЕРНУ ТО, ЧТО ПРИНАДЛЕЖАЛО НАМ С ТОБОЙ ПО ПРАВУ. СОЛНЦЕ.» Кира смотрела на эти слова. Они ничего не объясняли. Но что-то внутри неё — глубоко, на самом дне, там, где спали её мёртвые эмоции — дрогнуло.

— Он сказал «солнце», — прошептала она. — Так меня называл отец. И он написал в записке «наша маленькое солнышко». Даниил написал: «Ты знаешь этого человека?»

— Нет. — Кира покачала головой. — И да. Моё тело знает. Моя память — нет. Каждый раз, когда я пытаюсь вспомнить что-то из прошлого, у меня паническая атака. Мозг блокирует. Защищает.

Даниил написал: «Тогда зачем ты лезешь? Если твой мозг защищает тебя — значит, там что-то, что может тебя убить.»

Кира взяла его ручку и дописала внизу: «Потому что я не чувствую ничего уже четыре года. А он заставляет меня чувствовать. Даже если это уьёт — это лучше, чем пустота.» Даниил прочитал. Посмотрел ей в глаза. Потом медленно поднял руку и показал жест.

«Я помогу тебе».

Она узнала этот жест. Тень показывал его на балконе. Пе-

ред тем как прыгнуть. Значит, Тень тоже обещал помочь. Вопрос — кому. И что он заберёт, когда вернёт то, что принадлежало им по праву. Кира убрала телефон.

— Я хочу знать всё о языке жестов, — сказала она. — Каждое движение. Каждый нюанс. Он будет говорить со мной руками — и я должна понимать его без перевода. Даниил кивнул. Достал чистый лист.

Написал вверху: «Урок первый. Эмоции в жестовом языке. Как сказать “я боюсь”, “я злюсь”, “я люблю”». Кира читала и чувствовала, как внутри неё — там, где была пустота — начинают прорастать корни чего-то тёмного, сладкого, неизбежного. Она не знала, что Тень собирается вернуть. Но она знала, что будет рядом, когда он это сделает. Даже если ей придётся пройти сквозь ту самую комнату. Сквозь обои в цветочек. Сквозь часы 11:47. Сквозь руки на плечах. Она пройдёт. Потому что она — солнце. А солнце не боится тьмы. Оно само — тьму создаёт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.